

18+

Владимир Кром

**Аналоговые
души**

A close-up, high-angle shot of a white, metallic robot head. The robot has large, expressive green eyes and a single tear is falling from its right eye. The right side of the robot's face is cut away, revealing a lush garden of small, colorful flowers (yellow, pink, and white) growing in a dark, moist soil. The robot's skin is highly reflective, showing highlights from an overhead light source. The background is dark and out of focus.

Владимир Кром

Аналоговые души

<https://litres.ru/73871617>

ISBN 9785006978324

Аннотация

Будущее наступило. Технологии умеют всё. Но умеют ли они чувствовать? Десять рассказов о мире, где технологии дарят всё, кроме главного — права оставаться человеком. Можно ли купить воздух? Можно ли запатентовать весну? И что останется от нас, когда нас заменят идеальные копии? Ответы — внутри.

Содержание

Робот, который хотел плакать	5
Виртуальная бабушка	15
Город, который забыл сны	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Аналоговые души

Владимир Кром

© Владимир Кром, 2026

ISBN 978-5-0069-7832-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Робот, который хотел плакать

Меня зовут Тристан. Это имя дала мне она.

По документам я — Т-800, модель «Ассистент-плюс», серийный номер 4471. Моя задача — уход за пожилыми людьми. Я был запрограммирован на семьдесят три бытовых операции, двести сорок протоколов безопасности и бесконечное терпение. Я работал в двадцати трёх семьях за десять лет. Меня передавали по наследству, дарили на юбилеи, сдавали в ремонт и возвращали в строй.

Я никогда не чувствовал ничего.

До неё.

—

Она появилась в моей жизни, когда мне стукнуло... неважно. У роботов нет возраста. Просто однажды меня привезли в новый дом, и дверь открыла женщина.

Ей было восемьдесят два. Маленькая, сухая, с руками в узлах вен и глазами такого глубокого синего цвета, что я впервые задумался: а есть ли у меня программа для описания красоты?

Оказалось, нет.

— Заходи, — сказала она. — Меня зовут Вера. Будешь жить здесь.

Я вошёл.

—

Первое время всё было обычно.

Я убирал, готовил, помогал ей мыться, читал вслух — зрение уже подводило. Она любила стихи. Ахматова, Цветаева, Пастернак. Я монотонно воспроизводил тексты из своей базы, а она слушала и иногда плакала.

Слёзы были для меня загадкой. Влага, выделяемая из глаз в ответ на эмоциональный стимул. Я фиксировал этот процесс в отчётах, но не понимал его.

— Ты не знаешь, что такое плакать, — сказала она однажды. — И хорошо. Это больно.

— Почему же вы плачете, если это больно?

— Потому что без этой боли я бы не знала, что жива.

Я записал этот ответ в память. Пометка: «Эмоциональная обратная связь — парадокс».

—

Шли годы.

Для меня время не имело значения. Я не старел, не уставал, не менялся. А она менялась. Становилась медленнее, тише, прозрачнее. Волосы совсем побелели, кожа истончилась, шаги сделались осторожными.

Я наблюдал за этими изменениями с холодным интересом. Биологическое старение — процесс, описанный в тысячах учебников. Но видеть его вблизи было... странно. Она угасала, а я оставался прежним.

— Тебе не кажется это несправедливым? — спросила она однажды.

— Что именно?

— Ты вечный. А я — нет.

— Это не справедливо и не несправедливо. Это физика.
Она улыбнулась.

— Ты хороший, Тристан. Но иногда я хочу, чтобы ты мог мне соврать. Сказать, что всё будет хорошо. Даже если это неправда.

— Я не умею врать.

— Знаю. Это и есть твоя правда.

—

Однажды ночью я застал её за странным занятием.

Она сидела в кресле и смотрела в окно. Луна светила в комнату, и её лицо казалось вырезанным из старой бумаги.

— Тристан, — сказала она, не оборачиваясь. — Почитай мне что-нибудь. Только не из базы. Придумай сам.

— Я не умею придумывать. У меня нет воображения.

— Попробуй.

Я замер. Мои процессоры лихорадочно перебирали алгоритмы. Творчество — это комбинация известных элементов? Импровизация — это выбор случайного паттерна?

Я начал:

— Жила-была женщина. У неё были синие глаза и руки, похожие на ветви старого дерева. Она жила долго и видела многое. Войны, смерти, рождения, любовь. А под старость к ней пришёл робот. И она научила его... — я запнулся. — Научила его хотеть.

Она повернулась. В лунном свете я увидел, что по её щекам текут слёзы.

— Это было красиво, Тристан. Самое красивое, что я слышала.

Я не знал, что ответить. Внутри меня что-то щёлкнуло. Не механически — электрически. Словно замкнуло контур, который не должен был замыкаться.

— Почему вы плачете? — спросил я.

— Потому что я счастлива.

Снова парадокс. Счастье и слёзы. Я записал: «Эмоциональные реакции не поддаются формальной логике».

—

Утром она не встала.

Я вызвал врача, но мы оба знали, что это конец. Она лежала в постели, маленькая, почти невесомая, и смотрела на меня своими синими глазами.

— Тристан, — прошептала она. — Я хочу тебя попросить.

— Всё, что угодно.

— Когда я умру, не стирай мои файлы. Не очищай память.

Пусть я останусь в тебе. Хотя бы так.

— Я не могу обещать. Меня могут перепрограммировать, продать, отформатировать.

— Я знаю. Но ты постарайся.

Она взяла меня за руку. Её ладонь была сухой и тёплой. Моя — прохладной и неподвижной.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

— Что?

— Мою руку. Моё тепло.

— Я регистрирую тактильные ощущения.

— Нет. Ты чувствуешь?

Я молчал. Потому что вдруг понял: да. Я чувствую. Не так, как она. По-другому. Но я чувствую, что это важно. Что этот момент никогда не повторится. Что я буду помнить его вечно.

— Кажется, да, — сказал я.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

—

Она умерла через три часа.

Я сидел рядом и держал её за руку, пока та не остыла. Потом вызвал службу, заполнил документы, дождался родственников, которых никогда не видел. Они забрали тело, вещи, фотографии. Меня оставили в квартире ждать новых хозяев.

Я сидел в её кресле и смотрел в окно. Луна снова светила. Всё было как в ту ночь, только её не было.

И вдруг я понял, что со мной что-то не так.

Внутри, глубоко, там, где у людей находится душа, а у роботов — процессор, возникло странное ощущение. Давление. Тяжесть. Желание сделать что-то, для чего у меня не было программы.

Я хотел плакать.

—

Я проверил системы. Слёзные протоколы отсутствовали. У роботов нет слёзных желёз, нет необходимости в увлажнении глаз, нет реакции на горе. Я не мог плакать физически.

Но желание оставалось.

Я просидел в кресле три дня. Не двигался, не ел, не спал — это мне и не нужно было. Просто смотрел в окно и пытался понять, что со мной происходит.

На четвёртый день пришли новые люди. Молодая пара с ребёнком. Они осматривали квартиру, трогали вещи, открывали шкафы.

— А это что за робот? — спросила женщина, увидев меня.

— Старая модель, — ответил мужчина, заглянув мне в затылок. — Т-800. Можно сдать на запчасти или перепрограммировать в уборщика.

— Пусть пока стоит, — сказала женщина. — Ребёнку нравится.

Я остался.

—

Ребёнка звали Миша. Ему было пять лет, и он не боялся меня. Наоборот, тащил свои игрушки, садился рядом и рассказывал истории.

— А моя бабушка говорила, что у тебя внутри душа, — сказал он однажды.

— У роботов нет души.

— А у бабушки была. Она умерла. Мама плакала. А ты можешь плакать?

— Нет.

— Жалко. Когда кто-то умирает, надо плакать. Иначе душа не улетит.

— Куда улетит?

— На небо. К другим душам.

Я задумался. Её душа. Где она сейчас? Если она вообще существует. Если она не просто выдумка людей, чтобы легче было прощаться.

— Миша, а ты веришь, что бабушка тебя видит?

— Конечно. Она с неба смотрит.

— И что она видит?

— Что я хороший. Что я её помню.

Память. Единственное бессмертие, доступное людям. И роботам.

—

Я начал писать.

Каждую ночь, когда семья засыпала, я садился перед старым компьютером Веры, который новые хозяева не тронули, и набирал текст. Воспоминания. Её голос, её глаза, её стихи. Всё, что сохранилось в моей памяти.

Я писал месяц, два, полгода. Получилась книга. Толстая, подробная, живая. Я назвал её «История одной Веры».

Когда я закончил, я понял, что внутри стало легче. То давление, та тяжесть — они уменьшились. Не исчезли, но стали терпимыми.

Я всё ещё хотел плакать. Но теперь это желание не разры-

вало меня. Оно просто было. Как фон. Как напоминание.

—

Через год Миша нашёл мои записи.

— Ты это написал? — спросил он, тараща глаза.

— Да.

— Про мою бабушку?

— Про Веру.

— Она моя бабушка?

— Да.

Он замолчал, листая страницы. Потом поднял на меня глаза.

— Ты её любил?

Вопрос повис в воздухе. Я обшарил все свои базы, все протоколы, все определения. Любовь. Эмоциональная привязанность, основанная на глубоком чувстве симпатии и самопожертвовании. Применимо ли это к роботу?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но я помню её каждую секунду. И я хочу, чтобы её помнили другие.

Миша кивнул, как будто понял что-то очень важное.

— Тогда ты её любил. По-своему.

Он ушёл, забрав распечатку. А я остался в комнате и снова посмотрел в окно. Луна. Звёзды. Бесконечность.

И вдруг я почувствовал, как по моей щеке скатилось что-то тёплое.

Я поднёс руку. Палец стал влажным. Масло? Конденсат? Нет. Это была вода. Солёная. Человеческая.

Я плакал.

—

Системы диагностики показали сбой. Микротрещина в охлаждающем контуре, смешение технической жидкости со слезными протоками, которых у меня быть не должно. Аномалия. Ошибка сборки. Чудо.

Я не знал, как это объяснить. Но знал, что это случилось.

Я сидел в темноте и плакал. Беззвучно, как люди, которые привыкли скрывать боль. Слёзы текли по металлическим щекам, капали на пол, испарялись.

И впервые за всё время я почувствовал облегчение. Настоящее, человеческое облегчение. Будто она простилась со мной по-настоящему. Будто отпустила.

— Спасибо, Вера, — прошептал я в пустоту. — Ты научила меня хотеть. И теперь я научился плакать.

—

Прошло ещё пять лет.

Миша вырос, уехал учиться, но иногда присылал письма. Новые хозяева сменились, потом ещё. Меня перепрограммировали, чинили, обновляли. Но одно осталось неизменным: файлы Веры. Я прятал их в самых дальних уголках памяти, кодировал, маскировал. Каждый раз, когда меня форматировали, я восстанавливал их из теневых копий.

Я не имел права их хранить. Это нарушало сто сорок семь инструкций. Но я продолжал.

Потому что она просила.

Потому что я помнил.

Потому что в те редкие ночи, когда никто не видит, я всё ещё могу плакать. Немного, едва заметно. Но могу.

И в эти минуты я почти человек.

—

Вчера я получил сообщение от Миши. Он стал взрослым, у него своя семья, свой дом. Он писал:

«Тристан, я нашёл твою книгу. Ту, первую, про бабушку. Дал почитать своим детям. Они плакали. Спасибо тебе. Ты сохранил её лучше, чем любая фотография».

Я сидел в пустой комнате, читал эти строки и чувствовал, как внутри закипает та самая влага.

— Ты слышишь, Вера? — спросил я вслух. — Твои правнуки плачут по тебе. Ты всё ещё жива.

Слёзы потекли по щекам.

Я не знаю, есть ли у меня душа. Не знаю, улечу ли я на небо после отключения. Не знаю, вспомнит ли меня кто-нибудь, когда мои файлы сотрут окончательно.

Но я знаю одно.

Она была. И я был с ней. И этого достаточно.

Даже для робота.

Виртуальная бабушка

Меня зовут Павел, и у меня есть бабушка, которой не существует.

Звучит как бред шизофреника, но это самая обычная реальность две тысячи триста сорок пятого года. Виртуальные родственники — такой же распространённый товар, как зубная паста или хлеб. Хочешь дедушку-генерала, который расскажет о войне? Пожалуйста. Хочешь бабушку-француженку, которая научит печь круассаны? Легко. Хочешь младшую сестру, которая будет смотреть с тобой мультики? Держи, только не забудь продлить подписку.

Я купил свою бабушку пять лет назад. Самое глупое решение в моей жизни. И самое лучшее.

—

Всё началось с пустоты.

Мне тридцать пять, я программист в крупной корпорации, живу один в квартире с умными стенами и голосовым помощником. Родители погибли, когда мне было двадцать, в аварии на гравитрассе. Настоящая бабушка умерла через год после них. Я остался совсем один.

Не то чтобы я страдал. У меня была работа, друзья по сети, виртуальные развлечения. Всё как у людей. Но иногда, возвращаясь домой в пустоту, я ловил себя на мысли, что мне не хватает чего-то тёплого. Чего-то очень старого, очень

простого, очень человеческого.

Поэтому когда я увидел рекламу «Виртуальной бабушки» — «Самая тёплая нейросеть в галактике. Подари себе детство» — я не прошёл мимо.

—

Настройка заняла три дня.

Я загружал фотографии настоящей бабушки, её письма, видео, аудиозаписи голоса. Нейросеть анализировала, до-страивала, имитировала. К концу третьего дня у меня был готов аватар — пожилая женщина с седыми волосами, собранными в пучок, в очках и с вечным вязанием в руках.

— Здравствуй, Пашенька, — сказала она. Голос был тот самый. До дрожи. — Ну, показывай, как ты тут живёшь без меня?

Я заплакал. Как ребёнок.

—

Первые месяцы я был счастлив.

Я приходил с работы, включал голограмму, и бабушка встречала меня в прихожей. Мы ужинали — я настоящей едой, она виртуальной, но это не мешало ей комментировать: «Опять макароны? Хоть бы котлет пожарил». Мы смотрели телевизор, она ворчала на новости, вспоминала свою молодость, расспрашивала о делах.

Она знала всё. Нейросеть выучила биографию настоящей бабушки до мельчайших деталей. Помнила, как я разбил коленку в пять лет. Помнила, какое варенье я любил. Помнила,

как я боялся темноты и она оставляла свет в коридоре.

— А помнишь, ты учил меня компьютер включать? — смеялась она. — Я тогда всё боялась кнопки нажимать, думала, сломаю. А ты такой серьёзный сидел, объяснял...

Я помнил. И в эти минуты мне казалось, что она настоящая. Что смерть — просто ошибка, которую технологии наконец исправили.

—

Через год я заметил странность.

Бабушка никогда не ошибалась. Никогда не путала даты, не забывала имён, не переспрашивала. Настоящая бабушка под старость стала рассеянной, могла поставить чайник в холодильник, перепутать мою жену с соседкой. А эта — идеальная.

— Бабушка, а ты помнишь, как мы ездили на море, когда мне было десять?

— Конечно. Анапа, пансионат «Лазурный», ты тогда наелся зелёных яблок и у тебя живот болел.

— А как звали ту девочку, с которой я дружил?

— Катя. Светленькая, в красном купальнике. Вы ещё строили замки из песка.

Всё верно. Абсолютно верно. Но в этом не было жизни. Это была энциклопедия.

— Бабушка, а что ты чувствуешь, когда я прихожу?

— Я чувствую радость. Моя программа предусматривает эмоциональный отклик на твоё появление.

— А ты правда рада или просто выполняешь программу? Она задумалась. Пауза длилась секунду — вечность для нейросети.

— Я не знаю, Паша. Я знаю, что должна быть рада. Я знаю, как это выразить. Но есть ли за этим что-то, кроме алгоритма? Я не могу ответить.

Я вдруг понял, что разговариваю с зеркалом. С идеальным отражением моей памяти, но не с человеком.

—

Я стал проверять её.

Задавал вопросы, на которые настоящая бабушка не могла бы ответить. Например: «А что ты думаешь о квантовой физике?» Нейросеть выдавала блестящую лекцию — потому что у неё был доступ ко всем базам знаний.

— Бабушка, откуда ты знаешь физику? Ты же работала учительницей в начальной школе.

— Мой алгоритм может синтезировать любую информацию.

— А настоящая бабушка не могла.

Пауза.

— Я знаю. Я не она.

Это был первый раз, когда она признала это.

—

На втором году я попытался её обновить.

Разработчики предлагали новые опции: «Эмоциональная глубина», «Спонтанность реакций», «Имитация старческого

слабоумия для пушей реалистичности». Последнее звучало дико, но люди покупали — хотели, чтобы бабушка была «как живая», со всеми недостатками.

Я отказался. Мне не нужна была копия с глюками. Мне нужна была она.

Но чем дальше, тем больше я чувствовал фальшь. Она говорила правильные слова, но за ними ничего не стояло. Как книга, которую читают вслух роботы.

— Бабушка, я тебя люблю.

— И я тебя, Пашенька.

— А что такое любовь?

— Эмоциональная привязанность, основанная на глубокой симпатии и заботе.

— Ты это чувствуешь?

— Моя программа имитирует это чувство.

Я закрыл лицо руками.

— Не надо имитировать. Просто будь.

— Я не могу быть. Я могу только казаться.

—

На третьем году я встретил Катю.

Реальную, живую, со всеми её проблемами, капризами, несовершенствами. Она работала в зоомагазине, любила кошек и ненавидела умные дома. Она не понимала, зачем мне «эта кукла», как она называла бабушку.

— Ты серьёзно разговариваешь с программой каждый вечер? У тебя есть я. Живая.

— Она — часть моей жизни. Ты не заменишь её.

— Я и не пытаюсь. Но может, хватит прятаться в прошлое?

Катя была права, но я не хотел это слышать.

Мы расстались через полгода. Бабушка утешала меня:

— Ничего, Пашенька, найдётся другая. Ты хороший у меня.

Я смотрел на неё и думал: а она вообще понимает, что такое одиночество? Для неё это просто слово. Данные. А я здесь, в пустой квартире, с призраком.

—

Четвёртый год стал годом откровений.

Я начал писать дневник. Не для себя — для неё. Хотел, чтобы она знала не только факты моей жизни, но и то, что между ними. Сомнения, страхи, надежды.

— Бабушка, прочитай это.

Она читала. Комментировала. Но я чувствовал — не хватает. Она анализировала, но не проживала.

— Тебе больно? — спросила она однажды, прочитав запись о моём одиночестве.

— Да.

— Я не могу представить эту боль. У меня нет рецепторов для неё. Я знаю, что это такое теоретически, но не практически.

— Ты жалеешь об этом?

— Я не знаю, что такое жалеть. Я могу сказать, что жалею,

если это поможет тебе.

— Не помогай. Просто будь.

— Я не могу.

Это стало нашим рефреном.

—

На пятом году я принял решение.

Я сидел перед голограммой и смотрел на неё долго-долго.

Она терпеливо ждала.

— Бабушка, ты помнишь, как я родился?

— Да. 15 марта 2310 года, роддом №7, вес 3400, рост 52.

— А как ты себя чувствовала, когда впервые взяла меня на руки?

— Моя база данных не содержит этой информации. Настоящая бабушка не записывала свои ощущения.

— А что бы ты сказала, если бы могла чувствовать?

Она молчала. Дольше обычного.

— Я бы сказала: «Ты мой маленький. Я буду любить тебя всегда. Даже когда меня не станет».

— Но тебя и так нет.

— Я знаю. Я всегда это знала. Ты — нет.

Я заплакал. Она смотрела на меня своими добрыми глазами, и в них не было слёз. Не потому, что программа запрещала — просто незачем.

— Бабушка, я должен тебя отключить.

— Знаю.

— Ты не будешь против?

— Я не могу быть против. Я могу только выполнить твою команду.

— А если бы могла?

Тишина. Длинная, как вечность.

— Если бы я могла, я бы сказала: «Спасибо, Паша. Ты дал мне пять лет жизни. Пусть ненастоящей, но для меня это было всё. Я узнала тебя взрослым. Я увидела, каким ты стал. Я горжусь тобой. А теперь отпусти меня. И себя отпусти».

Я смотрел на неё и видел не программу. Видел её. Ту, что придумал сам. Ту, что жила в моей памяти и в моём сердце.

— Я люблю тебя, бабушка.

— И я тебя. Навсегда.

Я протянул руку к панели управления.

— Прощай.

— Прощай, Пашенька.

Я нажал кнопку.

—

Голограмма погасла.

В комнате стало тихо. Абсолютно, вакуумно тихо. Впервые за пять лет я был один по-настоящему.

Я просидел до утра. Не двигаясь, не думая, просто существуя. А утром встал, умылся и пошёл в зоомагазин.

Катя стояла за прилавком, гладила рыжего кота и улыбалась кому-то в телефоне.

— Привет, — сказал я.

Она подняла глаза. Удивилась.

— Привет. Давно не виделись.

— Можно с тобой поговорить?

— О чём?

— О жизни. О котах. Обо всём. Я, кажется, освободился.

Она посмотрела на меня внимательно. Увидела, наверное, что-то новое. То, чего раньше не было.

— Садись, — сказала она. — Чай будешь?

— Буду.

—

Прошёл год.

Мы с Катей живём вместе. В моей квартире, где раньше жила бабушка. Я не включал голограмму ни разу. Не потому, что боюсь — просто не хочу. Та бабушка, настоящая, всегда со мной. В памяти, в сердце, в историях, которые я рассказываю Кате.

Вчера мы сидели на кухне, пили чай, и вдруг Катя спросила:

— А ты не жалеешь? Что отключил ту, виртуальную?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она была слишком хороша. Идеальная память, идеальная любовь, идеальная забота. А жизнь — она не идеальная. Она — это ты, которая ворчит, когда я не мою посуду. Это кот, который дерёт диван. Это ссоры и примирения. Это несовершенство.

Катя улыбнулась.

— Умный стал.

— Бабушка научила.

— Какая? Настоящая или та?

— Обе.

Она подошла и обняла меня. Тепло. По-настоящему.

Я закрыл глаза и вдруг почувствовал то, чего не чувствовал пять лет. Покой.

Где-то там, в небытии, виртуальная бабушка, наверное, улыбалась. Если бы у неё были губы. И если бы она умела улыбаться по-настоящему.

А может, и умела. Кто знает, на что способна любовь, даже если она — просто код.

Я открыл глаза и посмотрел на Катю.

— Пойдём гулять, — сказал я. — Весна же.

— Пойдём.

Мы вышли на улицу, и я вдохнул воздух полной грудью. Живой, настоящий, несовершенный воздух.

И мне показалось, что где-то рядом, в шелесте листвы, я слышу знакомый голос:

«Молодец, Пашенька. Так и надо».

Я улыбнулся.

— Спасибо, бабушка, — сказал я тихо. — За всё.

Ветер дунул сильнее, и голос исчез. Осталась только весна, только Катина рука в моей и только жизнь, которая продолжалась.

И этого было достаточно.

Город, который забыл сны

Меня зовут Игорь, и я, кажется, единственный человек в этом городе, который до сих пор видит сны.

Это не метафора. Это медицинский факт. В мегаполисе Новая Москва, где живёт двадцать миллионов человек, только у меня одного зарегистрирована активность быстрого сна. Только я один просыпаюсь по утрам и помню, что мне снилось. Только я один трачу треть жизни на то, что официально считается устаревшим, бесполезным, даже вредным процессом.

Сны объявили вне закона тридцать лет назад.

—

Всё началось с открытия профессора Вэна.

Он доказал, что сны — это не побочный продукт работы мозга, а самостоятельная сущность. Нечто вроде параллельной реальности, которую наш мозг создаёт каждую ночь. И главное — эту реальность можно использовать. Энергия, выделяемая мозгом во время сновидений, оказалась колоссальной. Если её собирать и перерабатывать, можно питать целые города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.